

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, великий князь

Император Александр I. Опыт исторического исследования

<Фрагмент>

<...> Какие обстоятельства повлияли на даровитую натуру Александра Павловича, что он вылился в зрелом возрасте в такие сложные, а подчас и малопонятные формы. Двуличность, хотя, может быть, и была природным свойством его характера, но годы детства его и отрочества, несомненно, оказали на эту склонность самое пагубное влияние. С одной стороны, гениальная бабка Екатерина, до безумия любившая внука первенца, с другой — полусумасшедший отец и честолюбивая мать, оба недовольные и обиженные императрицей и устраненные ею от воспитания ребенка. Следовательно, с раннего возраста чуткий мальчик уже мог заметить скрытую борьбу вокруг себя. Потом появились воспитатели: во-первых, лукавый князь Салтыков¹ все время игравший на два фронта, потом ворчливый дядька Протасов и, наконец, мечтательный республиканец, швейцарец Цезарь Лагарп. Пока Салтыков учил ребенка ладить с бабкой и родителями одновременно, Лагарп вселял в голову мальчика начала свободы и равенства, столь мало сходные с общей обстановкой в которой рос Александр. Поэтому сразу получилась та путница понятий и идей, при которой развивался наследник российского престола. Как только мальчик окреп, отец стал требовать военной выправки и обучения тонкостям военного искусства, а императрица Екатерина решила женить 16-летнего юношу-подростка и составила для молодых детей-супругов особый двор, куда вошли самые различные элементы, одни поставленные Екатериной, другие — родителями. Как сверстники, кроме брата Константина, были приглашены два поляка, братья Чарторыжские² и князь А. Н. Голицын³. Немного позднее появились офицеры, в лице князя П. М. Волконского⁴, графа Комаровского⁵, князя П. П. Долгорукого⁶ и еще некоторых других.

Скончалась Екатерина II. Пошли томительные годы правления Павла, и юноше-наследнику пришлось, в течение почти пяти лет, исключительно предаваться военным упражнениям, при строгом наблюдении за ним батюшки, обращавшего внимание на малейшие упущения, при любезном содействии нового человека, артиллерийского офицера Аракчеева. Одновременно Александру было хорошо известно, что бабка хотела лишить престола Павла и передать оный ему; такая мысль не могла не тревожить частенько, особенно при характере воцарившегося отца, и нужно было обладать большим тактом и выдержкой, чтобы безропотно покоряться фантазиям Павла Петровича. Получилась такая картина: Александр не мог наслаждаться супружеской жизнью, будучи постоянно отвлекаем военными обязанностями, и, проводя время в плацах с солдатами, он, усталый, возвращался домой всегда в тревоге и беспокойстве за следующий день; ничего не успевал читать, ничем не мог серьезно заниматься и терял часто терпение, приходя в отчаяние от скуки общего неприглядного режима.

А заветы Лагарпа сидели в голове, не успев еще испариться, воображение и мечтания наводили на грустные мысли, и именно тогда, вероятно, являлось какое-то стремление удалиться, бежать с женою за границу и даже отказаться от престола. Но пока мысли только бродили, не успев принять определенной формы, как вдруг начались толки о готовящемся заговоре. Сперва Александр твердо решил не вмешиваться в это дело, но, как известно, Пален увлек его, и он дал роковое согласие на исполнение замысла, при непременно условии пощадить жизнь отца. Когда драма свершилась, и Александр стал неожиданно самодержцем России, он восторженно и понял, что не так-то легко быть русским царем. Встреченный восторгами народа и всех подданных, Александр обещал править Россией в духе своей бабки Екатерины. Началась всеобщая ломка и влечение к самым либеральным реформам, к которым поощрял Александра вернувшийся Лагарп и молодые, пылкие сотрудники. Эра реформ продолжалась недолго, и вскоре интерес к внешним событиям и к восходящей звезде Наполеона Бонапарта поглотил все внимание. Началась борьба, закончившаяся на полях Аустерлица и Фридланда. Затем свершилось что-то новое и необычное. Русский государь заключил союз с сыном великой революции, с генералом-корсиканцем! Россия сперва недоумевала, а вскоре стали слышаться голоса негодования и почти всеобщей критики. Александр остался глух к этому понятному ропоту и продолжал дружбу с новым союзником, по крайней мере наружно. И это время пролетело весьма быстро. Вскоре одна лишь мысль твердо засела в вождениях Александра — низвергнуть могущество и пер-

венство непрошеного друга. Союз начал ослабевать и постепенно испарился, приведя к разрыву в 1812 году.

Началась година Отечественной войны. Это была пора расцвета недюжинных способностей Александра Павловича, умевшего примениться к обстоятельствам и приблизиться к духу русского народа. Государь выказал напряжение всех сил мозговой работы, принес в жертву личные симпатии к людям, предоставил играть первые роли Кутузову и Ростопчину, что было противно его природе и высказывалось наглядно впоследствии, но в данную минуту эти два имени вселяли доверие большинству подданных. Написанные манифесты и воззвания к русскому народу пером Шишкова⁷, понятным слогом, дали громадное впечатление и появились своевременно. Император находил время входить во все мелочи при возникшей борьбе за честь и спасение родины от ига наполеоновских полчищ; он не брезгал никакими средствами, чтобы сломать мощь гениального врага, увлекшегося своими успехами и верившего в свою победоносную звезду. Словом, 1812 год сблизил царя с народом, и как жаль, что Александр не дал себе в этом настроении вполне ясного отчета и слишком быстро забыл все то, что можно было создать на этой благодатной почве. Увлечения успехами политики и внешней славы привели к продолжению борьбы на чужих землях, где русские войска всюду являлись освободителями угнетенных владычеством Наполеона. Роль Русского Государя была возвышенная и благородная, но и только. Интересы России не требовали такого вмешательства, оказавшегося не соответствующими благу родины и приведшего только к выгоде чужеземцев, а вовсе не русских. Нескончаемая война продолжалась еще целых три года, потребовала громадных издержек и множества человеческих сил, которые можно было сохранить в целостности, и они пригодились бы впоследствии. Эти три года за освобождение Европы были роковыми во всех отношениях и для личности монарха. Александр очень скоро пресытился благами величия и славы, впал в настроение, заглушившее в нем чувство патриотизма, и отдался всецело зловредному мистицизму в области недостижимого на земле блаженства, которое высказывалось в применении на практике идеи Священного союза, столь не выгодного и вредного для интересов России. А Священный союз породил никому не нужные конгрессы, завязал постоянные отношения между Александром и Меттернихом, в которых последний оказался ловчее и предусмотрительнее, оставшись победителем на дипломатической арене, окончательно сбившим с толку доверившегося ему так не осторожно русского императора. Рядом с этим Священный союз и мистицизм породили на Руси аракчеевщину.

Александр, невольно отдавшись религиозно-мистическим утопиям, не мог уже заниматься делами с таким же увлечением, как раньше, он начал тяготиться всем тем, что входило в атрибуты царской власти и мало-помалу окончательно отстранился от забот по внутреннему управлению, доверившись одному только человеку — Аракчееву. Между тем государь не мог временами не осознавать своей ошибки; постоянные путешествия по России доказывают стремление знать и видеть, что делается на местах, но не хватило более силы воли лично руководить сложной машиной управления, и Александр впадал сам собой в противоречие, любовно подчиняясь другой воле, грузинского помещика⁸. Два вопроса тем не менее ни на минуту не потеряли ни интереса, ни полной последовательности в действиях. Мы говорим о Польше и о военных поселениях. Здесь работа кипела и не ослабевала. Воплощение идей либерализма годов юности и лагарповских заветов нашли для себя применение в устройстве Польского королевства, столь противном опять-таки интересам России. На этой почве не помогли ни советы, ни увещания приближенных людей, даже иностранного происхождения. Александр, начиная с злополучных дней Венского конгресса, шел твердой поступью и добился своего, не удовлетворив надежд неутолимых поляков и глубоко огорчив всех русских. То же самое случилось и с военными поселениями.

И здесь, большинство голосов не одобряло этой меры и малопонятного нововведения; даже Аракчеев осмелился вначале противиться такого рода фантазии, но Александр настоял на своем и до самой кончины нервно следил за мнимыми успехами целой сети военных поселений, которые он лично навещал, когда только мог. Собственно говоря, в жизни Александра Павловича совершилось только два резких перелома в характере. Первый обратил всеобщее внимание при начале борьбы с Наполеоном еще в 1810 и 1811 годах, второй совершился в Париже в 1815 году и шел по нисходящей вплоть до самой кончины государя.

Теперь постараемся рассмотреть фигуру императора Александра I с другой точки зрения. Заслуживает ли он быть причисленным к великим государям и правителям? В истории государи, признанные всенародно великими, имели тоже свои слабости, и нравственные, и физические. Заслуживает ли Александр наименования великого государя и правителя? Смеем думать, что да. Весьма немногие удостоились такого почетного прилагательного по отношению к их деятельности на пользу своей родины; так, в России заслужили наименования Великих Петр I и Екатерина II, в Пруссии — Фридрих II, в Австрии — Мария-Терезия, во Франции — Людовик XIV и Наполеон I. Все они сделали по различным отраслям много полезного, оставившего след

после их кончины, и вели успешные войны, сделав ценные земельные приобретения. О степени их гениальности мы не говорим, так как это понятие уже имеет значение всемирное. Лучшим примером служит Наполеон. Его гениальности никто не оспаривал и не будет оспаривать.

Для России Александр не был великим, хотя его царствование дало многое, но ему не хватило знания ни русского человека, ни русского народа. Как правитель громадного государства вообще, благодаря сперва его союзникам, а потом врагу, Наполеону, он навсегда займет совсем особое положение в истории Европы начала XIX столетия, получив и от мнимой дружбы, и от соперничества с Наполеоном то наитие, которое составляет необходимый атрибут великого монарха. Его облик стал как бы необходимым дополнением образа Наполеона, до того эти два человека — антиподы умели каждый на свой лад обворожить и подчинить своей воле окружающих их людей. Оба нашли противодействие только в одной нации, а именно в стране Альбиона, которая вообще не признает или редко признает мировое значение личности, особенно другого народа. Кроме англичан, все остальные народности Европы сперва подчинялись власти и влиянию Наполеона, а после него — Александра. Если бы была в ту эпоху хоть одна фигура, напоминающая Бисмарка, то обстановка изменилась бы и для Наполеона, и для Александра, но ни Меттернихи, ни Талейраны⁹ не могли, как они ни старались, затмить влияния ни того ни другого. Что же касается Александра, то гениальность Наполеона отразилась, как на воде, на нем и придала ему то значение, которого он не имел бы, не будь этого отражения, может быть, это парадокс, но мы его допускаем.

Если обратиться к деятельности императора Александра I по отношению к России, то время его правления нельзя причислить к счастливым для русского народа, но весьма чреватым по последствиям в истории нашей родины. После долгих царствований императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, которая шла по стопам Великого Петра, Россия развивалась быстро и заняла в конце XVIII столетия уже вполне определенное положение среди стран Европы. Кратковременный павловский режим, кроме общего раздражения, не оставил других следов. Для Александра, вступившего на русский престол при общем восторге, открывалось широкое поле для деятельности. Вначале, увлеченный реформами, он, казалось, понял свою задачу и хотел что-то создать прочное, но это мимолетное стремление не успело пустить корней, несмотря на сравнительно долгий период общей ломки. Сперва молодые сотрудники, а потом Сперанский, сделали что могли, чтобы положить основы обновления внутрен-

него строя и порядков. Фундамент, как ни говори, а был положен, но далеко не прочный. Но тут явился Бонапарт, и этот человек сразу изменил весь ход мыслей и всю намеченную работу русского государя. Можно было ожидать, что время соперничества и борьбы, так успешно законченной, вернет снова в русло начатую с таким рвением работу первых лет. Но надежда оказалась напрасной. Напротив того, все добытое на полях брани кровью русских воинов было принесено в жертву идеи Священного союза, а Россия продолжала пребывать в глубоком сне, в котором военные поселения не могли дать живой струи, а покровительство, оказанное разным сектам и масонству, только породило насаждение тайных обществ, которые благодаря событиям 14 декабря 1825 года надолго отвели Россию на путь самой убежденной реакции николаевского режима. Случилось нечто неожиданное: после блеска вступления на престол и мировой славы победы русского оружия Александр Павлович оставил брату тяжелое наследство, страну, изнеможенную от прошлых войн, а еще более от аракчеевщины, и весь организм больным и утомленным, а внутри — полнейшую дезорганизацию власти и всякого порядка, при полном отсутствии какой-либо системы управления. Приходилось приемнику снова укрепить своды расшатанного здания.

Определить характер Александра I как человека задача не из легких. В нем было что-то врожденное, которое привлекало к нему людей. Французы называют это качество — *“le charme”* (шарм). Это врожденное свойство творило чудеса и обворожало всех тех, с кем ему приходилось встречаться. Если присоединить ко всему симпатичную фигуру Государя, его чарующую улыбку, выражение его глаз и манеру общения, то получалось то общее, что покоряло сердца. Недаром в собственной царской семье и мать, и супруга, и братья с их женами называли Александра нашим ангелом *“notre ange”* (наш ангел), а императрица Елизавета Алексеевна увековечила это прозвище в письме о его кончине: *“Notre ange est au Ciel, et moi malheureuse sur la terre”* (Наш ангел на небе, а я, несчастная, на земле)... Тот же образ ангела украшает Александровскую колонну на площади Зимнего дворца. Возможно, что в душе Александра Павловича и было нечто ангельское, потому что его доброта и благожелательность к ближнему не подлежат сомнению, но, к сожалению, эта черта нередко омрачалась другими порывами. Рядом с этой добротой иногда проявлялось и злопамятство, никогда вполне не угасавшее, кроме того, чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подметить. Двуличность никогда не оставляла Александра, составляя коренную черту его нрава, уже ранее объясненную. Она давала ему возможность одновременно работать и со Сперанским и Аракчеевым,

с Аракчеевым и А. Н. Голицыным, а также и с Волконским; он мог слушать и подчиняться советам Меттерниха и заниматься часами с Каподистрией¹⁰; пока Александр обвораживал Наполеона в Тильзите и Эрфурте¹¹, он спокойно писал матушке о тех способах, какими возможно сломать его мощь; в одну дверь входил к нему доверчиво канцлер Румянцев¹², а в другую тайком впускался Кошелев; с одного подъезда подъезжал английский квакер или другой сектант, а с другого входил убогий монах или сам митрополит; в один час шла беседа о возвышенных чувствах долга монарха к своей родине с Карамзиным¹³, а в другое время Александр мог спокойно слушать какого-нибудь Магницкого¹⁴, и что более всего замечательно, что все эти люди выходили очарованными из кабинета государя и часто воображали, что его величество соблаговолил разделять их образ мыслей.

Одинаково с этим Александр обладал замечательной работоспособностью, особенно в эпоху Отечественной войны и последующих компаний за освобождение Европы. Он имел дар, входя во все мелочи, быстро схватывать суть дела и принимать соответствующее решение. Иногда примешивалась известная доля упрямства, особенно когда Александр предполагал или замечал желание другого лица настоять на своем мнении, как бы подчинить себе волю государя; в этих случаях император становился непреклонным в проведении собственных предначертаний. Умом Александр мог всегда похвастаться, умом тонким, чутким и вполне природным. Кроме того, он имел дар особого чутья познавать скоро людей, играть на их слабостях и всегда подчинять своим требованиям. Не мудрено, что Наполеон на острове Святой Елены, в порыве горечи писал про него: “*que c’était un grec du Bas-Empire*” — другими словами «византиец смутных времен», и что разные мудрецы из дипломатов, как Талейран, Меттерних или Касльри¹⁵, смущались при беседах с Александром и должны были напрягать все свои способности, чтобы не попасть впросак. Необходимо также ответить, что при всех эволюциях, совершившихся в характере Александра, основные черты его нрава сохранились, и очевидцы, видевшие и говорившие с ним в годы юности, тоже восторженно отзывались о его способностях, как и те, которые встречались с ним в последние годы жизни. Если мужчины поражались его дарованиями, то что сказать о женщинах? Супруга Александра, несмотря на все измены мужа, сохранила к нему чувство особой привязанности и любви, даже тогда, когда Александр как бы забыл о существовании первой спутницы и подруги на земле. Сестра Екатерина прямо-таки молилась на брата и не могла удержаться от проявлений к нему любви и дружбы. Суровая и надменная Мария Федоровна, никогда не обнаруживавшая внешних проявлений нежности в чувствах,

и она боготворила и гордилась своим сыном. Мы сказали несколько слов о ближайших родственницах, но почти все женщины, имевшие общение с государем, сохранили о нем самую светлую память. Что же касается лиц ближайшей свиты, докторов, всей прислуги, т. е. тех, которым пришлось быть ежедневными свидетелями обычного домашнего обихода его величества, то все они души не чаяли в своем повелителе и готовы были умереть за него.

Очевидно, что в Александре, действительно, таилось то редкое качество притяжения к нему любви и привязанности. И подумать, тот же Александр мог с легким сердцем подписать лютые приговоры к наказанию солдат розгами и к проведению сквозь строй несколько раз! Здесь психика должна невольно наткнуться на непонятную загадку, и такого рода загадку, которая должна смутить не одного исследователя исторических личностей. Ведь каждый день, начиная с 1812 года, государь читал по одной главе из Св. Евангелия или из Библии; знал многие цитаты Священного Писания наизусть, постоянно в письмах ссылался на Слово Христово, и тот же человек мог поощрять такого рода взыскания и смотреть сквозь пальцы на изуверства Аракчеева в военных поселениях, в течение многих непрерывных лет. Вероятно, некоторые критики были бы склонны видеть в этом невероятном противоречии ту двуличность его характера, о которой мы только что говорили, но мы убеждены, что в этих случаях не было этой двуличности, а скорее, результат особого рода религиозного фанатизма, отчасти связанного с тем временем, с теми нравами и обычаями, при которых протекла жизнь Александра Павловича. Другого объяснения мы не находим.

Если рассмотреть еще отношения его к сотрудникам, то здесь мы наткнемся на другую загадку, а именно на неограниченное доверие к Аракчееву, которым кроме него никто другой не пользовался. Но по этому вопросу мы уже высказывались с достаточной ясностью, а потому не будем возвращаться к нему. Остается сказать несколько слов о связанной с именем «Благословенного монарха» легенд о сибирском старце Федоре Кузьмиче. Без сомнения, легенда весьма поэтичная и настолько заманчива для воображения, что она могла увлечь таких мыслителей и писателей, как Лев Николаевич Толстой. Сознаюсь откровенно, что и пишуций эти строки много лет увлекался той же легендой.

Скажу больше, увлекался настолько, что сделал все, что только было возможно, чтобы разгадать тайну старца, определить его личность и собрать о нем все подробности. Удалось только более или менее определить его образ жизни в Сибири и собрать сведения о тех лицах, которые его посещали. В особой статье мы подробно изложи-

ли результаты наших исследований и розысков. Но эти результаты были обратны тому, на что мы возлагали надежды; выяснилось только одно, а именно, что старец не был и быть не мог императором Александром I, а личность самого Федора Кузьмича так-таки и не удалось установить. Позволим себе еще высказать некоторые соображения по этому вопросу. Если вдуматься в характер и склонности Александра Павловича, то нельзя найти в них ни малейшей склонности к такого рода превращению, а тем более к добровольной решимости идти на такого рода лишения в зрелом возрасте, при совсем исключительной обстановке. Ведь, по рассказам старца, его, как бродягу, на пути в Сибирь подвергли телесному наказанию розгами. Ну, неужели можно допустить, чтобы такой человек, как император Александр, мог добровольно согласиться на такого рода публичное истязание. Даже зарвавшаяся фантазия должна иметь пределы! Повторяем, что если бы государю могла прийти на ум мысль о замене себя в гробу другим покойником, то для исполнения как и этой выдумки, так и для способов исчезновения его, государя земли Русской, понадобилось бы иметь под рукой целую группу сообщников, не считая императрицы Елизаветы; неужели возможно допустить, что на такого рода комбинацию нашлось бы достаточное количество исполнителей?! Поэтому мы окончательно пришли к убеждению, что не только противна всякой логике возможность правдоподобия легенды, но и нет ни малейшего аргумента или доказательства в пользу такого предложения <...>.

